

Книги Андрея Васильева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Цикл
«А. СМОЛИН – ВЕДЬМАК»

**ЧУЖАЯ СИЛА
ЗНАКИ НОЧИ
ТЕНЬ СВЕТА
ЧАС ПОЛНОЛУНИЯ
ТЕМНОЕ ВРЕМЯ**

Цикл
«УЧЕНИКИ ВОРОНА»

**ЗАМОК НА ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ
ГРОБНИЦЫ ПЯТИ МАГОВ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ОГНИ НАД ВОЛНАМИ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ЧЕРНАЯ ВЕСНА
СЕЯТЕЛИ ВЕТРА
ЧУЖИЕ НЕБЕСА**

Межавторский цикл
«КОВЧЕГ 5.0»

Андрей Васильев
**МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ
ДОРОГИ СУДЕБ
ВРЕМЯ РОКИРОВОК**

Дем Михайлов
ЖИРДЯЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ТЕМНОЕ ВРЕМЯ

РОМАН

Москва, 2020
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1199

Художник
И. Воронин

Васильев А.

В19 Темное время: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 282 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3017-8

Мир Ночи, загадочный и притягательный, все больше и больше затягивает в себя бывшего банковского служащего, а ныне полноправного ведьмака Александра Смолина. Да и выбора у него особо нет, вот ведь какая штука. Вражда с колдуном, ведущим свой род от самого Кощея, вошла в решающую фазу, теперь рассчитывать приходится только на себя. Ну и немного на тех, кто живет в Ночи.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Андрей Васильев, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3017-8

*Все персонажи данной книги выдуманы автором.
Все совпадения с реальными лицами, местами, банками,
телепроектами и любыми происходившими ранее или
происходящими в настоящее время событиями не более чем
случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем
будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.*

ГЛАВА 1

— Скоро будем на месте, — задушевно, почти по-свойски сообщил мне Петр Францевич, поелозив задом по мягкой коже автомобильного сиденья. — Почти приехали.

— Ага, — стряхнув с себя дремоту, подавил зевок я, прикрыв ладонью рот. — Это хорошо.

Спать хотелось невероятно, так, что хоть распорки в глаза вставляй, чтобы не слипались. Но оно и не странно: за последние два дня я толком ни разу не прикорнул и как раз сегодня собирался отоспаться от души. Вот только не удалось, поскольку Вагнер начал мне названивать ни свет ни заря. Ну да, я сам обещал позвонить и все такое, но в конце-то концов, некто Смолин ведь хозяин своему слову? Хозяин. Сам дал, сам и обратно взял. Может, звучит не слишком красиво, но я никогда и не являлся эталоном добросовестности. Сейчас, глядя правде в глаза, могу смело говорить о том, что правильно мне в банке повышение не давали, ибо я ленив и безынициативен. Тем более что речь идет не об отказе помочь страждущему Арвону в целом, а только о том, чтобы перенести визит с сегодняшнего дня на завтрашний. Мысль отказать от данного обещания целиком, да еще вот так, в одностороннем порядке, мне и в голову прийти не могла. Покон не велит. И недавно обретенные принципы — тоже.

Вот только не получилось у меня отвертеться от выезда к страждущему приятелю Вагнера, увы и ах. Петр Францевич, поняв, что я, похоже, сегодня никуда ехать не собираюсь, с истинно немецким усердием пошел на приступ, приблизительно так же, как его далекие предки, наемные ландскнехты, на какой-нибудь европейский городишко во время Тридцатилет-

ней войны. Дескать, совсем плох Руслан, дышит через раз и собирается отправиться в Страну Вечной Охоты. Причем это он мне сообщил не по телефону, который был отключен практически сразу, после его третьего звонка, а через квартирную дверь. И ведь вызнал, поганец такой, каков мой адрес проживания.

Квартиру поменять, что ли?

Мне, если начистоту, этого самого Руслана было не сильно жалко, поскольку я с ним совершенно не знаком, но маячившая впереди неплохая прибыль сделала свое дело. И я сейчас не только о деньгах говорю.

И вот результат — мы с Вагнером сидим в машине и с очень большой скоростью перемещаемся по Рублево-Успенскому шоссе. Интересно, а тут вообще бывает так, чтобы пробки отсутствовали? Казалось бы — десять утра, кто в область в таком количестве ехать может? Ладно в Москву, это понятно. Но из нее-то?

С данной темы мои мысли сползли на события последних двух дней. Припомнив большой ведьмачий сбор под дубом, я даже заулыбался. А что? Там хорошо было, зря Олег о нем отзывался как о бесполезном времяпрепровождении. И вина там попили, и пару свинок над углями зажарили, а под конец, когда заря вовсю тронула восток, а ночную темень сменили синие предрассветные сумерки, еще и сплясали. Причем танец этот, несомненно, носил ритуальный характер, смысл которого мне и сейчас до конца не ясен. То есть догадываться я догадываюсь, но наверняка не знаю.

Все ведьмаки, включая даже стариков, обнялись за плечи и начали медленно обходить почти погасший костер по кругу, полупропевая-полупроговаривая слова, от которых у меня почему-то по телу дрожь пошла:

Трибогов день, дай нам долю,
Яр-яр, дай нам долю,
Трибог, честную,
Яр-яр, честную.

Ведьмачий круг вокруг костра двигался все быстрее, потухшее было пламя вдруг снова взвилось вверх, причем став каким-то серебристым, почти белым, а после еще и приняло

форму старинного русского меча. И изгибалось оно так, словно плясало с нами.

Не менее странным было то, что мне, до сегодняшнего дня такой песни сроду не слышавшему, были известны ее слова, и голос мой в общем хоре не терялся. Почему они всплывали в памяти так, словно я их знал всегда, — понятия не имею.

Трибог сильный, ходи до ны.
Пребуди во яри! Гой!
Трибог славный, стани средь ны.
Пребуди во яри! Гой!
Трибог жгучий, всполыми ны.
Пребуди во яри! Гой!

Огненный меч вспыхнул ярко, словно комета, тысячи искр белого пламени взлетели вверх, теряясь среди молодой листвы дуба, и в этот миг на землю упал первый солнечный луч.

Мы стояли около угасшего окончательно костра, обнявшись за плечи, и в этот момент я точно понял, что наконец-то, впервые за всю жизнь, окончательно стал своим среди своих. И это ощущение не исчезло даже тогда, когда мы все разошлись в разные стороны — кто в лес, к машинам, стоящим на потаенной полянке, кто в другую сторону, к реке, поблескивающей километрах в пяти от дуба.

Данный факт ничего не менял, для меня, по крайней мере. Просто я впервые в жизни понял смысл слова «братство». Не в его кинематографически истасканном смысле, а в подлинном, когда каждый готов встать за каждого, пусть даже и всего на одну ночь в году. По нашим стремным временам — уже немало.

И распрощались мы сердечно, с суровыми мужскими объятиями, похлопываниями друг друга по спине и заверениями в том, что «если чего — так я сразу».

Правда, дворничиха Фариды, которая как раз махала метелкой у моего подъезда, очень неодобрительно на это все смотрела, а когда Славы и примкнувший к ним Олег отъехали от дома, укоризненно мне сказала:

— Сашка, зачем с мужчиной обнимаешься? Ну не получилось у тебя со Светкой семья, и с Маринкой — тоже. Бывает такое. Пальцем показал, сказал три раза: «Талак», — и новая женщина ищи. Когда мужчина с мужчиной — неправильно это. Деток

не будет. Нет деток — зачем жил на Земле? Что после себя оставил?

— Добрую память, — подумав, ответил я. — Но ты, Фарида, не беспокойся. Это просто мои друзья. Я с верного пути не сверну, уж поверь.

— Генка из второго подъезда тоже сначала просто дружил, — сверля меня взглядом контрразведчика, проговорила дворничиха. — Потом начал в такой салон ходить, в который мужчина делать нечего. А потом с другом-мужчина на море уехал. Все знают зачем. Бэш!

— Какой салон? — озадачился я.

— Где женщина ногти красят, — подбоченилась Фарида. — Но то мы, нам Аллах сказал красивыми быть. А мужчина там что делать?

Аргумент был убийственный. Но меня просто так за горло не возьмешь.

— Это не про меня, — заявил я, показывая разошедшейся женщине свои пальцы рук. — Вот, смотри, сам себе ногти грызу. Без посторонней помощи. А красить их и в голову не приходило.

— И все равно — женщина тебе надо, — подытожила Фарида. — Нельзя мужчина без женщина. Мужчина без женщина своя голова не хозяин.

— Это да, — признал я. — Ладно, спать пойду.

Хорошие все же люди вокруг меня живут. Вон, переживают. Приятно.

Вот только поспать мне не удалось. Спасибо Родьке, который сам, между прочим, очень неплохо выдрыхся в моем рюкзаке, куда я его определил еще там, у дуба.

Развеселая компания слуг провела ночь не хуже, чем мы, а то и получше. Их гвалт, писк и даже ругань иногда звучали так громко, что даже нас, ведьмаков, перебивали. В результате на рассвете Родион предстал передо мной весь взлохмаченный, со стеклянным взглядом и еле стоящий на задних лапах. Да еще и с каким-то туго набитым мешком за спиной.

Разбираться что к чему я не стал, слушать его бессвязный лепет — тоже, просто запихнул в рюкзак, не обращая внимания на смешки Славы Раз и Славы Два, сопровождаемые комментариями типа: «Какой постыдный либерализм», — и потащил домой.

Что любопытно — и в рюкзаке он не расстался с грязным и мокрым холщовым мешком, сжимая его в лапках даже тогда, когда я вытряхнул его на кресло.

— Хозяин, — сонно пробормотал он, не открывая глаз. — Эта... Я щас!

— Да оно ясно, — хмыкнул я. — Спи уж. Только дай мне эту грязь, я ее к двери поставлю.

Какой там! Так я и не выдрал у него из рук поклажу. В результате, поборовшись пару минут с упрямым слугой, плюнул на это все и пошел в душ.

Тоже мне, добытчик! «Я росу соберу, я там по опушкам пробегусь». Собрал!

И зря на него наговаривал, между прочим. В мешке, как выяснилось, все это и лежало. Я-то думал, он в него набил остатки ночного пиршества у костра, по своей природной запасливости, но оказалось нет. Он в самом деле остаток ночи провел на лугу и в лесу, добывая все, до чего дотянулись его мохнатые лапы.

Вот только это все перемешалось до такой степени, что я провел кучу времени, занимаясь практически ювелирной работой, а именно отделяя стебельки друг от друга. А по-другому никак. Травы, особенно те, что обладают тайной силой, долго не живут. Шесть — восемь часов после сбора — и все, они уже просто сено, которым можно кормить коров. Причем шесть — восемь — в самом лучшем случае. Есть такие травы, что сразу надо в работу определять, читать над ними заговор, чтобы сила не ушла, а то вовсе тереть в мелкую кашу да смешивать с другим ингредиентом. А тут еще и Трибогов день, когда к природным свойствам добавляется искра силы ушедших богов...

Короче, пришлось спасать добытое слугой богатство, среди которого, к его чести, были очень и очень весомые по своей полезности находки. Причем мохнатый прохиндей про это знал и потому не уставал себя нахвалять.

— Вот, хозяин, — распинался он, сидя на табурете и дую чай, в котором сахара было больше, чем воды. — Пока остальные веселились, я как пчелка над лугом летал. Побегал в лес, побегал к реке. Где ты еще такого слугу найдешь, чтобы и трудолюбив был, и покладист, и верен...

— И болтлив не в меру, — в тон ему продолжил я, разглядывая пучок ревенки.

— Да, — самодовольно подтвердил Родька, но тут же сообразил что к чему и возмущенно пискнул: — Нет! Это уже не про меня.

— Про тебя, про тебя, — заверил его я и показал очередную травинку слуге. — Она плакала, когда брал?

— Как дите, — подтвердил тот. — В голос. И рвал ту, что подлиннее, чтобы плести удобнее было.

Вот до чего интересная трава ревенка. Если из нее сплести тонкий веноч, надеть его на шею в день, на который выпадает середина второй русальной недели, и проносить до самого заката, то ты никогда не утонешь в реке. Почему именно в реке, а не в озере или пруду, не знаю. Но факт есть факт, про это в моей книге написано, а значит, так оно и есть на самом деле. Так что сплету и буду носить, я даже напоминалку в телефонный органайзер себе поставил. Помощь русалок — это здорово, но лучше перестраховаться. Мне прошлого раза в Москве-реке вполне хватило для осознания того, что тонуть крайне неприятно.

Да, еще важным условием является то, что веноч этот после заката надо отправить в плавание по лунной дорожке, прочерченной ночным светилом на речной глади. Без этого никак. И вот тогда «...не примет тебя текучая вода, всяко к берегу прибьет».

Хотя, может, я не так что понял? Может, она меня уже утопшего к берегу прибьет, для того, чтобы тело в земле схоронили? Но все одно надо будет попробовать. Дело несложное, тем более что и трава есть, и река есть. Я как раз в Лозовке на второй русальной неделе буду.

А ревенкой эту траву называют потому, что, когда ее рвешь, она издает звук, более всего похожий на плач. И чем он громче, тем обильнее напиталась трава земной силой.

— Трава — что, — самодовольно заявил Родька. — Росу-то, хозяин, росу видел?

— Видел, — подтвердил я. — Молодец!

Вот тут душой не покривил. Правда молодец. Когда только успел половину пузырька наполнить? И роса-то какая! Алмаз! Бриллиант! До чего хорош да перламутров цветом был майский сбор, который я в лесу дяди Ермолая брал, но это — что-то с чем-то!

Даже здесь, на кухне, сквозь темное стекло пузырька был виден легкий свет, что источала влага Трибогова утра. Как ма-

ленькая лампочка сияла. Сильная штука, ох сильная. Ей-ей, пока даже думать о том, чтобы ее в дело пускать, не хочу.

— Никак голубец? — удивленно произнес я, рассматривая очередное растение. — Его-то ты где достал? Он же на болоте произрастает.

— Где взял — там боле нет, — весомо ответил слуга, поднабравшийся от обчества разных выражений. — Знаем места.

Тоже забавная штука, хоть почти и бесполезная для использования в наше технологичное время. Голубец — это не блюдо. Это охотничья травка. Если из нее сплести оберег, разумеется, нужным образом и с правильными словами, то того, кто его при себе иметь будет, в лесу ни один зверь дикий не тронет. При условии, что этот человек, всякий раз выходя из дома на охоту, будет произносить:

Пойду в лес легко и смело,
Вернусь в дом с добычей и целый.

Раньше, должно быть, очень полезная была штука, но сегодня, при почти тотальном отсутствии крупной и опасной дичи и невероятном прогрессе охотничьего арсенала, смысла в ней особого нет. С рогатиной на медведя и луком на лося давно никто не ходит, да и осталось их в живой природе не так и много. Оптические прицелы и вертолеты сделали свое дело без всяких оберегов.

Да что там. У нас на втором этаже мальчишка живет, ему лет десять сейчас или около того, так он корову только по телевизору в рекламе видел. И еще — на обложке мороженого «Буренка из Кореновки». Вот так-то. Какие уж тут медведи и лоси...

Но выкидывать я эту травку конечно же не стал, пусть будет. Жизнь исключительно разнообразна. Это в Центральной полосе в лесу из живности только короеды водятся, но на ней Россия не заканчивается. А ну как меня в сибирскую тайгу судьба занесет? Там зверя пока хватает.

Короче, потратил я на эти травяные дела полдня и только было собрался лечь поспать, как Родька начал нудеть, что у нас холодильник пустой. Нет, без малейшего прессинга по отношению ко мне, он о подобном даже помыслить не может, но все эти его причитания о том, что вот-вот голодная смерть схватит нас своей костлявой лапой за горло и что он, когда осо-

бая нужда наступит, отдаст любимому хозяину последнюю корочку хлеба, дабы тот дальше жил, радуясь солнышку и белому светушку... Короче, такой нудеж любого идиотом сделает. Проще до магазина пробежаться, чем все это выслушивать.

И, само собой, на этом приключения не закончились, потому что в тот момент, когда я с полными сумками входил домой, из лифта вышла Маринка.

Вот вопрос — зачем она на моем этаже из него вылезла, если живет выше? Чего сразу на свой не поехать? Нет, ладно бы она ко мне собиралась зайти, но к чему тогда радостный возглас:

— О, Смолин! А ты дома?

Если ты думала, что меня нет, то зачем... И так далее.

И все, труба. Она четыре часа сидела на кухне, уничтожила треть приобретенных продуктов и безостановочно болтала. Я, если честно, даже начал подумывать о том, чтобы пустить в ход кое-какие зелья из числа тех, которые людям особо не вредят, но на время их нейтрализуют.

Нет, я люблю свою соседку. Не как женщину, разумеется, — у нас с ней отношения другого порядка, я ее как друга люблю. У меня, признаюсь, таковых вообще практически нет, потому тех, что имеются, я берегу. Потому и не шуганул ее из своей квартиры, перед этим цыкнув зубом и топнув ногой.

Вот только ответьте мне, почему я должен на протяжении доброго получаса выслушивать историю про какого-то молодого сотрудника редакции по прозвищу Мамонтенок? Разумеется, мне бы тоже был не по душе гражданин, который отчего-то считает, что разбирается во всем лучше других, и изрекает свои суждения так, будто те являются истиной в последней инстанции, при этом является редкостным болтуном и невероятным невеждой во всех областях человеческого знания. Но мне-то с ним не работать и детей не крестить, потому я не понимаю, на кой мне эта информация? И зачем мне знать, что прозвище свое он заработал за попытки копировать стиль главного редактора издания, в котором работает Маринка, и предсказуемо носящего прозвище Мамонт.

Когда сытая, веселая и выговорившаяся Маринка наконец-то ушла домой, за окнами совсем уже стемнело, а потому спать ложиться мне смысла никакого не было. Напротив, самое время было вызывать такси и ехать на кладбище. На завтра этот визит откладывать никак не стоило. И без того уже время упустил, по-хорошему, мне там надо было позавчера нарисо-

ваться, крайний срок — вчера. Что мне Хозяин говорил? Если траву зверобой, что на могиле отцеубийцы, брать после майского полнолуния, то сила ее будет уменьшаться с каждым днем. А луна убывать уже начала, пусть пока это и незаметно совершенно. В мире Ночи значение имеют не внешние признаки, а то, что есть на самом деле. Тут пыль в глаза никому не пустишь, все про всех все знают.

И один из основных людских принципов: «Да ладно, завтра будет день и будет пища», — тоже не действует. Если ты сегодня что-то не сделал, то совершенно необязательно, что для тебя наступит завтра. Просто потому, что этого несделанного тебе, возможно, и не хватит для выживания.

Или другой поворот событий. Я сегодня на кладбище не поеду, а завтра его Хозяин скажет, что поезд ушел, и помогать мне не станет. Причем не только в сборе зверобоя этой ночью, но и в любом другом деле в перспективе. Причина? А вот не любит он, когда его добротой манкируют. И все. Это навсегда. Человека можно переубедить, уговорить, задобрить, подпоить, подкупить, наконец. А это существо — нет. Потому что оно не человек и живет по своим законам, которые с нашими никак не соотносятся. Вообще. И ничего ты с ним не сделаешь.

Потому, плюнув на то, что голова у меня была тяжелая как наковальня, через полчаса я уже сидел в такси и ждал, когда цитрамон купирует головную боль. Само собой, у меня были зелья и подейственной таблеток, но в данном случае пускать их в ход было просто нерентабельно. Тем более что голова даже не столько болела, сколько гудела, что твой паровой котел. Впрочем, оно и неудивительно, все же вторая ночь без сна, а я не железный.

— Припоздал, — первым делом сообщил Хозяин кладбища, только завидев меня. — Ленив и не любопытен ты, ведьмак. С таким подходом к делу тебе истинных высот не достичь никогда.

— Да я и не претендую, — ответил я. — По крайней мере — пока.

Оно можно было бы сказать что-то вроде «виноват», но не стоит этого делать. Что-что, а нехитрую формулу «виноват — плати» за время работы в банке я усвоил отлично. Она была выведена еще в ревуших девяностых и до сих пор определяла уклад массы областей российской жизни. Само собой, это су-

щество не знало данной тонкости, только вот сдается мне, что оно тоже ее придерживается.

— Ну-ну, — с непонятной интонацией ответил мне умрун. — Ладно, в любом случае обещание выполню. Тем более теперь.

— В смысле? — Последние слова Костяного царя тревожно цапапнули меня. — А что изменилось?

— Не лукавь, ведьмак, — посоветовал мне умрун и скрипуче рассмеялся. — И — с почином. Первую жизнь у смертного забрал наконец-то. Я это сразу почувял, как только ты в мой дом вошел.

— Да у какого смертного? — отмахнулся я. — Пиявец обыкновенный, его к живым причислять не стоит. Его вообще классифицировать невозможно. Это же не колдун, не кровосос, не ходячий мертвец. Он, скорее, inferнальный трансгендер, существо вне категорий.

— Может, и так. — Хозяин кладбища встал со своего гранитного трона. — А может, и нет. Ты видишь одно, а я — другое. В любом случае выигрыш за тобой, ведьмак. Ты жив, он мертв — чего еще желать?

Ну да, и Нифонтов тогда что-то подобное говорил, мол, странный пиявец, вместо того чтобы сдохнуть, наоборот, силы набрался немеряной. И на меня поглядывал при этом. Выходит, он все же был не ходячим потенциальным трупом?

Наверное, мне стоило испытать укол совести или начать рефлексировать по поводу того, что я прикончил не просто ошалевшую от крови тварь, а сущность, которая все же умудрилась сберечь свою душу, несмотря ни на что. Я так понимаю, речь об этом идет. Не о том, что я убил тело, это-то как раз ерунда.

Но — нет. Ничего не шелохнулось. И не потому, что я сам потихоньку начал терять связь с привычным миром, а потому, что очень хорошо помнил схватку в недостроенном доме, рот этой погани, полный острых зубов, раздвоенный язык и алчный взгляд, который сулил мне изрядные муки перед смертью. Поди, заживо он меня жрать бы стал, не иначе.

Так что убил — и убил. Все равно это рано или поздно случилось бы, не сегодня, так потом. Кощеев наследничек тоже, между прочим, не нежить, а вполне настоящий человек. И что мне теперь, проповедовать непротивление злу насилием и в стиле кота Леопольда призывать его жить дружно?

Даже не подумаю. Мне моя жизнь чем дальше, тем больше нравится, и просто так я с ней расставаться не собираюсь. Если пойму, что в драке не сдюжу, просто смоюсь из Москвы куда подальше, вот и все. Отступить не значит струсить. Мне просто нужно время для того, чтобы набраться опыта и знаний. Главное — не прозевать первый удар. Вот это на самом деле важно.

И еще. Если Николай и Костяной царь правы, то на улице Мораны в данный момент должен царить праздник. Она получила то, что хотела, а именно жертву, принесенную в ее честь. Пусть это вышло случайно, но факт остается фактом. Тем более что самой Моране, полагаю, подобные мелочи по барабану, поскольку боги не люди, их интересует только собственная выгода, остальное несущественно.

Красиво изрек, кстати. Самому понравилось. Может, сделать эту фразу статусом своей страницы «ВКонтакте»?

— Ведьмак, ты идешь со мной или дальше будешь спать стоя? — громыхнул голос Хозяина кладбища. — Право слово, ты до того, как принял на свои руки первую кровь, был куда сноровистей, а теперь на ходу спотыкаешься. Ведь уже прозевал полную луну, когда могильные травы входят в самую силу. И если так продолжишь, то даже с донышка ковша ничего не зачерпнешь.

— Две ночи не спал, — состроил жалостливую рожицу я. — Вот и торможу.

— И что? — нехорошо блеснули красные глаза под черным капюшоном. — Мне тебя пожалеть надо? Или всю работу самому сделать? Ведьмак, я оказываю тебе услугу, при этом ничего не прошу взамен, что в нашем мире уже большое диво. Я сам не до конца понимаю, зачем это делаю. Ты же проявляешь типично людские черты, а именно неблагодарность и наглость.

— Да я...

— Именно ты! — Голос умруна громыхнул так, что мне на секунду показалось, будто листья на березке рядом со мной вот-вот опадут. — Ты должен наконец разобраться с тем, кто ты есть. Если человек — так твое место вон там, за оградой. Пока — за оградой. А потом ты все равно окажешься здесь, но не как мой гость, а как мой раб, и будешь служить до той поры, пока я не сочту все земные долги уплаченными. Но если ты ведьмак, если ты Ходящий близ Смерти, то забудь все эти свои ужимки из прошлой жизни. Мысль должна быть острее стиле-

та, а действия — продуманны и своевременны. И ты всегда должен быть настороже. Всегда! Врагов у тебя теперь куда больше, чем союзников. А те, кто кажется тебе другом...

Черная тень молнией скользнула среди могил, и мое горло оказалось сжато невероятно крепкой дланью. Когти-ножи уперлись в мою щеку, только чудом ее не разрезав.

— И что ты теперь будешь делать, ведьмак? — Капюшон приблизился к моему лицу, сквозь серое марево внутри него я смог различить жуткие черты того, кого звал Хозяином кладбища. Не знаю, из каких глубин мироздания выбралось это существо, но человеком оно никогда не было. По крайней мере, мне так показалось. Ну да, я помню, что, по идее, он первый, кто был похоронен на этом кладбище, вот только... Не человек это, без вариантов. — Скажи?

— Не дергаться, — осторожно произнес я. — А то щеку разрежете. Не хватало только взбудоражить ваших постояльцев запахом свежей крови. Ведьмак-то я ведьмак, но в моих венах пока она струится, а не что-то другое.

— Хм. — Пальцы разжались. — Забавный ответ. Но разумный.

Интересно, а голова у меня прошла оттого, что цитрамон подействовал, или от страха? И главное — сонливости как не бывало. Но с этим как раз все ясно, после такой жути я, наверное, еще неделю спать не смогу. Хорошо хоть штаны не намочил, вот стыдобища бы была!

— Твой путь и так непрост, — прогудел умрун. — Он представляет собой узкую тропинку между жизнью и смертью, и если ты с нее сойдешь, то обратно уже не вернешься. А ты вместо того, чтобы смотреть под ноги, еще и повязку на глаза надеть пытаешься. Не испытывай судьбу, ведьмак, она щедра лишь до поры до времени.

Вот тоже вопрос — чего он так обо мне печется? Сам сто раз говорил о том, что я его развлекатель, и не более. Мол, мое существование для него не значимее пылинки, танцующей в лунном луче. А сейчас как отец родной поучает. Бескорыстия в мире Ночи нет и никогда не будет, значит...

Значит, что? Пока ответа нет, но искать его нужно. Хотя бы для того, чтобы понять, кем я для Костяного царя являюсь на самом деле. Или чем.

— Знаю. — Я потер горло, на котором наверняка еще долго будут видны отпечатки пальцев. — И про тропинку, и про судь-

бу. Просто не все сразу получается так, как хочется. Но нагнать я и не думал, что вы?

— Н-да? — призадумался умрун. — А мне уж было показалось... Ладно, идем к могиле. Майские ночи короткие, не успело солнце сесть, как обратно на небо лезет. «Зори целуются», — так когда-то смертные про это время говорили.

Могилка отцеубийцы, как он и говорил мне в нашу прошлую встречу, в самом деле оказалась не так далеко от его трона. Я, кстати, вспомнил эту могилу, поскольку тут пару раз бывал. И еще припомнил неприятный озноб, который тогда пробежал по моей спине. Теперь понятно почему. Мерзкое местечко, оно просто-таки пропиталось злобой и отчаянием.

— Ну вот. — Костяной царь показал мне когтем на скукожившиеся белесые цветочки, еле держащиеся на желтоватых стебельках.

И это зверобой? Сроду бы не сказал. Между этой бледной немощью и его ярко-желто-зеленым луговым сородичем разница такая же, как между трубой и валторной.

Но не это главное. Что-то тут не так. Не скажу, что именно, но у меня есть четкое ощущение неправильности происходящего. И еще — нависшей угрозы. Нечто невероятно злобное находится совсем рядом со мной и не впивается мне в глотку только потому, что его сдерживает некий запрет.

— Рви, — велел умрун. — Чего ждешь?

— Не-а, — покачал головой я. — Не стану. Эта могила не пуста. Там кто-то есть.

— Молодец, — усмехнулся Костяной царь. — Учужал или догадался?

— И то и другое, — выдохнул я. — То есть он там?

— Там, там, — подтвердил умрун. — Уж, почитай, лет сто. И лежать ему до той поры, пока последний гвоздь его гроба не станет ржавой трухой, последнюю кость его тела не сточат черви, а надгробный камень не уйдет под землю целиком. А это долго. Очень долго.

Ишь ты! Гвозди, кости — это ерунда, сотня — полторы лет, и нет их. Но вот камень — это да. Это сильно.

— Вылезай уж, — приказал умрун. — Покажись гостю. И не скрежещи, он тебе не по зубам.

Все-таки это оказался призрак. Я уж, если честно, начал ждать некоей голливудщины, руки, вылезающей из-под земли, и всего такого прочего. Но — нет. Просто призрак. Правда,

мерзкий донельзя, чем-то напомнивший мне пакостного перерожденца из зернохранилища. В первую очередь, чернотой внутри, там, где у человека желудок находится.

— Может, правы японцы и душа живет в животе? Если да, то у этого господина она вконец прогнила.

— Ишь как он на тебя смотрит, — чуть ли не с одобрением заметил Хозяин. — Так бы и сожрал. Верно ведь? Сожрал бы?

— Сожрал, — подтвердил призрак, алчно буровя пустыми глазами мой кадык. — Всю кровь высосал бы! И душу... Душу!

— Не хочешь его отпустить? — вдруг предложил умрун. — Я разрешаю. Сам посуди — раскаяния от эдакого негодяя ждать не приходится, он закоснел в злобе. А ну какого случайного прохожего сюда занесет, и тот с его могилы хоть листик поднимет? Тогда тому человеку беды не миновать.

— Значит, судьба у него невезучая, — и не подумал соглашаться я. — Плюс нечего просто так, без дела, по кладбищам шляться. Это не парк, тут аттракционов нет и мороженым не торгуют.

Костяной царь наклонился к могиле, шепнул себе под нос нечто неразборчивое, как видно, некий заговор, без которого эту травку не возьмешь, после сорвал десяток стебельков зверобоя и протянул их мне.

— Бери. И не забудь — сила в стеблях, а не в цветках. С дозировкой аккуратней. Этот негодяй силен, как ты видишь, в нем много заgrabной злобы. Если ошибешься, то отведавший зелья может навсегда потерять часть своей сути, зато приобрести кое-какие склонности вот этого мерзавца. Например, может пойти и кого-нибудь убить. Просто потому, что это покажется ему нормальным поступком.

— Ясно. — Я убрал зверобой в заранее приготовленный пакетик. — И сразу в тему — вы мне еще обещали дать заговор, который устраняет последствия этого отвара?

— Обещал — продиктую, — кивнул умрун и обратился к отцеубийце: — Постоял на земле? Поглядел на небо? И все, давай обратно, еще лет на десять.

— Отпусти-и-и! — проскулил призрак, глядя на меня. — Отслужу!

— Давай-давай, — убрал я пакетик в карман. — Вали в могилу. И скажи спасибо за то, что мне трава с нее была нужна, без этого бы ты вообще на белый свет не вылез. Я же знаю, ка-

ково твое наказание. Тебе заповедано веками пребывать во тьме, без надежды на помилование.

Ох как он на меня глянул перед тем, как снова под землю уйти. Страшное дело! Прямо мороз по коже прошел.

— Может, не так все плохо, — подытожил Хозяин кладбища. — И я могу ошибаться. Ну ладно, ведьмак. Дело сделали, идем продолжим беседу.

ГЛАВА 2

А вот дальнейший разговор с умруном у нас не задался, что меня очень расстроило. Он ходил кругами, изрекал какие-то непонятные фразы, в которых, несомненно, имелось второе дно, но нащупать это самое дно, распознать его мне никак не удавалось. То ли ума не доставало, то ли знаний, то ли усталость начала сказываться.

Впрочем, удивителен сам факт того, что это существо, от которого даже у меня, человека более-менее привычного, иногда мороз по коже пробегает, в этот раз предпочло кривые пути вместо прямой дороги. С чего бы? Раньше за ним ни деликатности, ни толерантности не замечалось. Он что думал, то и говорил, что хотел, то и делал. Потому что здесь, на кладбище, он царь и бог. Нет над ним другой власти — ни людской, ни духовной.

И даже сейчас, в машине, мне было немного неприятно от осознания того, что я его не понял. Костяной царь — фигура, без которой мое существование станет куда более невеселым и в плане знаний, и в плане безопасности, потому любая шероховатость в отношениях фатальна. Ну, может, я и сгустил краски, но только самую малость.

Это вон Вагнера можно послать куда подальше, и ничего для меня в системе координат не изменится. А умрун... Это совсем другая история.

Надо будет выспаться как следует, снова нагрнуть на кладбище и там расставить все по своим местам. На худой конец, честно признаться, что я не так умен, как он обо мне думает, потому лучше прямо объяснить, что ему от меня нужно.

— Приехали, — снова заелозил по сиденью Петр Францевич. — Я же говорил, что быстро доберемся, потому что утро. А вот вечером... С тех пор как честным бизнесменам запретили

проблесковые маячки приобретать, так сложно стало ездить. Вот зачем это сделали? Кому мы мешали?

И столько недоумения было в голосе этого человека, что я на секунду усомнился в том, что он так умен, как про него говорят. Ну невозможно же не осознавать абсурдность сказанного? Или возможно? Может, просто он и ему подобные настолько привыкли жить с обычными россиянами вроде бы и в одной стране, но при этом в разных измерениях, что иные вещи им видятся в абсолютно другом свете? Ну не могут они понять, почему обычным людям не нравится, когда кто-то на них сверху поплеывает? Отчего им так дискомфортно?

Впрочем, делиться с ним этими мыслями я не стал, поскольку смысла в этом нет совершенно никакого. Сытый голодного не разумеет, я это за годы службы в банке отлично осознал. Иронизируй не иронизируй — все одно результат не воспоследует, тебя просто не услышат. Потому я молча выбрался из остановившейся машины и, упершись руками в поясницу, потянулся, разминая затекшие мышцы.

А хорошо потомок ландскнехтов устроился. Ну, оно и понятно — престижное направление, элитный район, серьезная клиентура. И хорошо мне знакомый запах больших денег. Больших, но чужих.

Утреннее, почти летнее солнышко омывало своими лучами пять аккуратеньких трехэтажных корпусов, стоящих между хрестоматийными левитановскими березками. По вымощенным разноцветными плитками дорожкам неспешно трусило десятка полтора сильно немолодых, но при этом поджарых мужчин в «родных» костюмах «Боско», следуя за девицей-тренером с такими формами, что даже у меня, идейного противника спорта, появилось желание влиться в их ряды.

Еще тут имелись беседки, обвитые плющом, несколько фонтанов, глядя на которые местные пациенты, видно, так чудно размышляли не только о времени и о себе, но и о судьбах отечества, пара строений неясного назначения — то ли лаборатории, то ли корпуса для проживания обслуживающего персонала, и много чего другого. Территория позволяла. Иной аэропорт куда меньше места занимает, чем эта «небольшая» частная клиника.

В такой больничке полежать — это как в хороший отель съездить, скажу я вам. Не удивлюсь, если тут еще и бассейн с морской водой есть.

— Впечатляет? — уточнил у меня Петр Францевич. — Наше с Яной детище. Если бы вы знали, сколько мы сюда сил вложили, сколько души, сколько нервов.

— И сколько денег, — продолжил я иронично.

— Само собой, — и не подумал обижаться Вагнер. — При чем своих, а не заемных. Никаких дотаций, никаких субсидий, исключительно личный капитал.

Нет, надо мне выспаться. Собственно, чего я на него накинуться решил? Делает мужик свой бизнес, и делает. В конце-то концов, не наркотой же торгует и не дурочек малолетних в Турцию продает для постельных утех? Ну а что до отстраненности данного места от широких народных масс, так подобное всегда было, есть и будет. Можно подумать, что в советское время вожди в районную поликлинику ходили.

— Нам в четвертый корпус, — сообщил мне Вагнер. — У нас там инфекционное отделение.

— Хм... — озадачился я. — Про инфекционку вы не упоминали. Если честно, нет у меня желания какую-нибудь заковыристую хворь подхватить, из числа тех, что воздушно-капельным путем передаются.

— Не подхватите, — успокоил меня Петр Францевич. — Просто внешний вид Руслана, он... специфичен. По этой причине мы именно туда его и определили. Собственно, Руслан один занимает весь этаж, других пациентов там нет. Но его болезнь не носит инфекционный характер, в этом можете быть уверены. Лучшие врачи Москвы уже составили свое суждение по этому поводу, про анализы я и не упоминаю.

— Хорошо, — согласился я и снова зевнул. — Скажите, а кофе в вашем заведении есть? Засыпаю просто на ходу. Так сказать — полцарства за «Нескафе».

— Найдется, — с достоинством ответил Вагнер, а после усмехнулся. — Правда, не для всех. Гипертоникам, к примеру, его не видать как своих ушей, даже за деньги.

— Ну, вопрос всегда только в сумме, — усмехнулся я.

— У меня персонал вышколен будь здоров, — покачал у него носа указательным пальцем Вагнер. — Разумеется, прецеденты были, но нарушители вылетали с волчьим билетом, их после этого даже в аптечный киоск на работу не брали. А оставшиеся точно знают — если что, никакие мольбы не спасут. Но у вас, мой друг, вряд ли обнаружатся проблемы с сердцем и давлением, не так ли? Кстати, не желаете после кардиограмму

сделать? У нас отличное оборудование, в Германии на заказ изготовили.

— Пока ограничимся кофе, — предложил я и глянул на часы. — Но вот если бы к нему прилагалась тарелка пшенной каши на молоке, пара кусков хлеба с маслом и два- три ломтика сыра, это было бы счастье. Но утренняя раздача еды, надо думать, уже закончилась?

Самое забавное — я абсолютно точно указал блюда из «меню номер шесть» стандартного понедельничного завтрака. Но одновременно в этом и крылась моя ошибка. Вагнер же немец, что я у него попросил, то и получил. Просто в «меню номер три», например, бутерброды с севрюгой фигурировали, а в «меню номер девять» — паровые куриные котлеты с пюре, так что стоило не скромничать в своих запросах. Может, это и не такая больничная классика, как каша и сыр, но мне котлеты больше по душе. Вот только переигрывать было уже некрасиво.

Все разновидности меню я с интересом изучил в небольшой, но крайне миленькой столовой четвертого корпуса, созданной, насколько я понял, специально для тех, кто любит питаться в компании. Остальным пациентам пищу доставляли прямо в палаты. Воистину, любой каприз за ваши деньги. Сами посудите — я насчитал двенадцать видов. Двенадцать! Наверное, каждый соответствовал своей группе болящих — диетiku одно, желудочнику другое, сердечнику третье.

Ну не по толщине же кошелька их формировали? К тому же за этот забор бюджетники все равно не попадают, если тут оказался, то уже данному меню соответствуешь.

— Ну, идемте к вашему горемыке, — облизав ложку и отпив из кружки отличного кофе, предложил я. Не из чашечки, а из кружки, предусмотрительный Вагнер отдал соответствующее распоряжение. — Сон отступил, пользуйтесь вспышкой активности. Вижу, вижу, что спешите, потому допью на ходу.

— Плохая идея, — немного удивив меня, покачал головой Петр Францевич. — Лучше я подожду, спокойно завершите завтрак. Желудок ошибок не прощает, поверьте врачу. Да и другие причины на этот счет имеются.

Смысл, который Вагнер вложил в эти слова, стал мне понятен чуть позже, когда мы наконец добрались до палаты его друга Руслана.

Черт, какая же в ней стояла вонь! Не помогли ни очистители воздуха, ни навороченный кондиционер, установленный под потолком, ни марлевая маска, которую мне вручил Вагнер перед тем, как сюда зайти. Смерд гниющего заживо тела лупанул меня как молотком по голове, я чуть «меню номер шесть» обратно из себя не исторг.

Про внешний вид этого горемыки я уж и не говорю. По изъеденному язвами лицу было просто невозможно понять, как этот человек выглядел раньше. Да что там! Не знай я, что это мужчина, то затруднился бы и с определением пола.

Да, это точно не типовое заболевание. Кому-то этот самый Руслан крепко перешел дорогу. Кому-то сильно непросто. Я не эксперт по проклятиям и порчам, но даже мне ясно, что его хотели не просто убить, кто-то желал, чтобы он еще и помучился. Хорошо так помучился, от души, качественно. Чтобы всю жизнь свою перед смертью вспомнил и каждый поступок в ней взвесил, точно перед Страшным судом.

— Бо-о-ольно-о-о, — проскрипел голос, в котором ничего человеческого уже не было. Распухшие, точно оладьи, губы шевельнулись, по ним потекла зеленоватая вонючая жижа. — Бо-о-ольно-о-о. Э-э-э...

Мать моя женщина! Он еще и в здравом уме!

— Укол, — бросил Вагнер сестре. — Четверть дозы.

Даже знать не хочу, что именно они ему колют. Но и не осуждаю, поскольку мужика корежит очень уж неслабо.

Я с собой захватил пару зелий, тех самых, с помощью которых некогда помог господину Ряжскому во в чем-то схожей с этой ситуации. Можно было бы подарить приятелю Вагнера двадцать — двадцать пять минут без боли, но стоит ли? В данной ситуации это не благодеяние, а часть пытки, которую ему и без меня кто-то устроил. И все же интересно, за что его вот так?

Я глянул на Вагнера и ткнул пальцем в направлении двери, давая ему понять, что пора на выход. Делать мне тут больше было нечего. Да и невоготу, если честно, очень уж запах жуткий. Как сестры здесь подолгу находятся, в ум не возьму. Им за вредность тройной оклад платить надо. Впрочем, может, так оно и есть.

— Что скажете? — Мой наниматель стянул повязку с лица и глотнул свежего коридорного воздуха.

— Кто-то здорово рассердился на вашего приятеля, — сделал я ровно то же самое. — Уфф! Кранты ему, Петр Францевич.

Я не большой эксперт по данной части, но, сдаётся мне, точка невозврата пройдена, и не вчера.

По лицу Вагнера ясно читалось: «Если бы ты сразу сюда поехал, а не ждал бог весть сколько, то ситуация могла и не дойти до такого кошмара». Но произносить вслух он этого не стал. Умный.

Да и не случилось бы по-другому. Что я сейчас не знаю, как такое вылечить, что тогда не знал. Тут эксперт нужен. Специалист узкого профиля.

— Совсем ничего сделать нельзя? — Опытный и мудрый Вагнер что-то прочел по моему лицу, потому и задал этот вопрос. — Совершенно?

— Думаю, — пояснил я. — Не отвлекайте.

Хотя что тут размышлять-то? Вариантов всего ничего. Первый — плюнуть на все, сказать, что «увы и ах», и забыть про горемыку Руслана напрочь. Второй — прибегнуть к помощи своего нового приятеля по имени Дэн. Вернее, предложить ему немного заработать. Выглядит это не сильно красиво, вроде только познакомились и сразу — такие предложения, но я же не займы у него прошу? Деньги есть деньги, почему нет? Вот только, несмотря на наличный расчет, кое-какую услугу я ему задолжаю, а это мне не по душе. Ни к чему это сейчас, не ко времени. Да и потом — овчинка не стоит выделки, потерять я могу больше, чем приобрести.

И вариант номер три. Красавица Виктория, непостижимая и холодная, словно Снежная королева. Собственно, я сразу так и предполагал, еще тогда, когда мы с Вагнером сделку заключали. Интуиция, однако.

Основной момент один — оно мне надо или нет? Про сострадание говорить не имеет смысла, этот большой гнойник мне не брат и не сват. К тому же я понятия не имею, кто и за что его такой красотой наградил. А что если за дело? Может, он беззащитных дольщиков обманул, собрал с них денежки и дом не достроил? Или чего похуже учудил? Простые люди сюда не попадают, и есть у меня серьезное подозрение, что кое-кто из местных постояльцев на руку сильно нечист.

Опять же, что если я ему помогу, а потом кто-то мне за это предьявит? Ведьма какая или колдун? Запросто такое случиться может. Скажем, кто-то их подрядил убрать этого Руслана с дороги, они честно хотели исполнить контракт, а тут я со своими кустарными методами и излишним состраданием, пусть

даже и замешенным на материальной выгоде. Мне новые враги не нужны, старых хватает. А если еще учесть друзей, которые иной раз проблемы подкидывают похуже иных супостатов, так и вовсе на руках заваливающей покерной «пары» может не оказаться.

— Как он, Петр Францевич? — К нам подошла восточная женщина, красоту которой не портила даже изможденность, заметная сразу. За ее спиной стоял черноволосый и крепко сбитый подросток, почти юноша, неотрывно глядящий на дверь, что вела в палату, из которой мы только что вышли. — Нет улучшений?

— Увы, Лиана Мансуровна, увы, — всплеснул руками Вагнер. — Мы делаем все, что можем. Впрочем, я пригласил для дополнительной консультации одного очень серьезного специалиста, вся надежда теперь только на него. Собственно, вот — Александр... Мнэ-э-э...

— Просто Александр, — оборвал я его мычание. — Добрый день.

Вот не люблю я этого всего. Не люблю. Не знаю, случайно тут оказалась эта измученная неизвестностью и страхом женщина, или хитрый немец все подстроил, но не стоило этого делать. Так меня проще разозлить, чем подвигнуть на доброе дело.

— Это Лиана Мансуровна Арвен, — представил женщину, которая не мигая таращилась на меня своими черными глазами, Вагнер. — А это их сын, Темир.

Арвен. Это не тот ли, что владелец банковской группы «Бета»? Финансовый мир сам по себе невелик и с каждым годом стараниями Центрального банка России становится все более узким, потому серьезных игроков все знают. А «Бета» — серьезный игрок, она за последние несколько лет пяток крупных, но просевших банков санировала. И зарплаты там, по слухам, неплохие, про подобные вещи в нашей среде тоже все знают. Помню, когда года полтора назад я с Кузьминой полаял, так даже хотел им свое резюме отправить.

Вот ведь.

— Помогите Руслану, — тихо попросила женщина. — Умоляю вас! Я чувствую, что вы в силах это сделать. Не знаю отчего, но точно чувствую!

Ну что за сериальные страсти, а?

— Вам бы поспать, — посоветовал я ей. — Вон тени какие под глазами. Все уже идет так, как идет, и то, что вы себя мучаете, никому пользы не принесет.

— Вот, — почему-то обрадовался Вагнер. — Врача два, а мнение одно. Заметьте: это мои вчерашние слова.

— Я пойду к мужу. — Лиана Мансуровна накинула на плечи халат и отправилась в палату.

— Моя семья богата, — сообщил мне подросток ломким голосом, как только за его матерью закрылась дверь. — Если отец выздоровеет, то вы получите много денег, даю слово. Очень много. Если надо, я расписку напишу. Но Петр Францевич может подтвердить вам, что мужчины из рода Арвенов всегда держат свое слово. Это на самом деле так.

— Хорошо, — без тени улыбки в голосе отозвался я. — Ваше предложение мне предельно ясно, Темир Русланович. Не надо расписки.

Не подав руки ни мне, ни Вагнеру, парень отправился вслед за матерью в душливо-гнильный полумрак палаты.

— Хотелось бы ясности, — твердо произнес Петр Францевич. — Не обессудьте, Александр, но как врач я имею на это право.

— Бесспорно. — Я совершенно не желал с ним спорить, хотя и можно было бы. — Но прежде я бы еще кофейку жажнул. Опять меня в сон клонит.

— Разумеется. — Наконец-то в голосе бизнесмена от медицины я услышал раздражение. Не знаю почему, но мне хотелось его вывести из себя.

Беседу мы продолжили уже на улице, устроившись на уютной кованой скамеечке в тени высоченной липы.

— Итак. — Я отпил кофе. — Вы желаете ясности. Какой именно?

— То есть? — На лбу Вагнера запульсировала жилка.

— Так она разная, — пояснил я. — Есть ясность по поводу хвори этого господина, есть ясность на предмет того, что мы делаем дальше. И так далее.

— Хотелось бы полную, — глубоко вздохнув, произнес Петр Францевич. — Если можно.

— Отчего же нет? — добродушно согласился я. — Что до хвори, то еще у палаты я, на мой взгляд, четко выразился. Вы были правы, это не медицинское заболевание, потому ваши врачи ничего сделать и не смогли.

— Ужас, — вытер лоб Вагнер. — Боюсь, вам не понять, Александр, насколько страшно мне это слышать.

— Вы на самом деле настолько дружны? — искренне удивился я. — Если это так, то примите мои извинения за неуместную иронию во время нашего предыдущего разговора.

— Да нет, — отмахнулся Петр Францевич. — Хотя — да, дружны, но речь не о том. Мне как медику страшно. Я всегда был уверен в том, что для медицины нет понятия «невозможно». Любая болезнь — это лишь предмет научного исследования. Даже если ее невозможно вылечить, то как минимум можно диагностировать, систематизировать и классифицировать. А сейчас я столкнулся с тем, что лежит по другую сторону научных познаний, понимаете? С чем-то, против чего бессильны лучшие из лучших. Это рушит все, во что я верил. Александр, поверьте: то, чем я занимаюсь сегодня, почти перечеркивает мою предыдущую жизнь, в которой я был врачом, человеком науки. Яна — нет, она деловая женщина, она мозг и сердце нашего дела, собственно, на ней держится бизнес. Не на мне. Я — клиницист, был им и остаюсь.

И я ему верю. Не знаю отчего, но верю. Хотя, разумеется, и не во всем.

— Это жизнь, — попробовал утешить его я. — Она любит подбрасывать сюрпризы, особенно тем, кто их уже не ждет. Ладно, продолжим. Ясность номер два. Я не смогу помочь вашему другу. Не мой уровень, да и профиль не мой. Это как если венерологу предложат лоботомию провести. В теории он что-то знает, но на практике больному ничего хорошего не светит.

— И? — поторопил меня Вагнер.

— И все, — закинул я руку на спинку скамейки. — Почти. У меня есть человек, который мог бы взяться за подобное дело. Специалист высокого уровня. Но...

— Деньги — это не проблема, — напомнил мне владелец клиники.

— Само собой, — кивнул я. — Тут другое. Она сама решает, кому помогать, а кому — нет, вот в чем дело. Может случиться так, что будет сказано «нет», и здесь ничего не поделаешь.

— Договоритесь о встрече, — предложил Вагнер напористо. — Я постараюсь найти аргументы, чтобы убедить эту даму помочь Руслану.

— Любопытно было бы глянуть на эту картину, — хмыкнул я, представив, как Виктория выслушивает бизнес-предложение, а после встает и уходит, окинув нас на прощанье своим ледяным и безразличным взглядом. — Да нет, милейший Петр Францевич, здесь я буду вести беседу сам. С вами она даже общаться не станет. Эта леди не практикующая колдунья, ее не наймешь и не купишь вот так просто.

С шорохом разъехались в стороны двери, ведущие в корпус, мимо нас прошла Лиана Мансуровна, давящая в груди рыдания и прижимающая ко рту скомканный платок, за ней следовал сын. Впрочем, поравнявшись с нами, он остановился, сдвинул черные брови и произнес:

— Петр Францевич, мы с мамой верим в вас. И еще дед просил вам непременно сказать, что пакет акций клиники перейдет от нашего семейства в ваши руки только тогда, когда мой отец станет таким же здоровым, как и был прежде. Не раньше. И вы тоже старайтесь. Как следует старайтесь.

Ну слава богу! А то я уж в бескорыстие Вагнера начал верить, против всех упреков интуиции, которая теребила мое сознание с самого начала. Мне ведь даже неловко стало, что записал хорошего человека в стяжатели.

Пакет акций. Вот чего он бьется как рыба об лед. Ну да, серьезный аргумент, за такой можно гордость, страх и самолюбие в одно место засунуть, особенно если пакет немаленький. Не контрольный, разумеется, его бы Вагнеры никому не отдали, но процентов пятнадцать — двадцать у Арвена иметься может. Думаю, его банк поддержал клинику на раннем этапе, а как обеспечение в залог взял акции. Или вовсе их выкупил, став инвестором.

А мне лишний раз урок — не верь Вагнерам. Как он там говорил? «Свои, не заемные»? Ну-ну.

Но мальчишка молодец, хорошо держится для своих лет. Зубасто так. Главное ему понять, где проходит граница между «можно» и «перебор». Но я ему ее очерчу. Исключительно из педагогических соображений.

— Мне необязательно стараться, — сообщил я вслед Темиру. — Я клятву Гиппократу не давал, моя совесть чиста. Привет деду!

Парень остановился так, будто ему в спину снежком залепили, и медленно повернулся ко мне.

— Прежде чем вы скажете какую-нибудь глупость, молодой человек, я должен вам напомнить, что именно они обходятся нам дороже всего, — продолжил я. — А уж каким боком встают угрозы, особенно направленные в адрес тех, кто может быть полезен в той или иной ситуации, это вообще ужас!

— Друзья! — Вагнер вскочил с лавочки. — Давайте держаться в рамках вежливости. Да и вообще... Ладно Темир, он совсем еще молодой человек, его эмоции захлестывают. Но вы-то, Александр! Вы же взрослый человек!

— А что, собственно, такого было мной сказано? — изобразил удивление я. — Юноша рекомендовал нам с вами работать лучше, я ему объяснил, что не все в этом мире обязаны выполнять его указания.

Ну, тут я душой покривил чутка, куш мне предложен достойный, но не семейством же Арвен? Или Арвенов? Не знаю, как правильно.

— Думаю, мы найдем точки соприкосновения, — мягко проговорил Вагнер. — Точнее, они ведь уже найдены, не так ли? Темир, а вы идите и поддержите вашу маму. Ей сейчас как никогда это необходимо.

Промолчал мальчишка, пошел, куда посоветовали. Но дедуле наверняка настучит, можно не сомневаться.

Нет, все-таки в такие дела уставшим ввязываться нельзя, в сотый раз себе это повторяю. И правда, чего я на этого подростка сорвался? Нашел тоже, с кем меряться, кто выше на забор писает, отыскал достойного соперника. Прямо даже стыдно стало.

— И все-таки. — Петр Францевич проводил взглядом две фигуры, которые вскоре сели в автомобиль, снова уселся на лавочку и сплел пальцы рук в замок. — Ваше решение, Александр. Я бы хотел его услышать. Тем более что теперь вы четко осознаете, насколько для меня важно исцелить Руслана. Эта клиника — мой... наш с Яной ребенок. И мысль о том, что кто-то может прийти и потребовать ее часть, гложет нас давным-давно. Да, приходится признать: когда мы ее создавали, нам пришлось прибегнуть к помощи семейства Арвен, влиятельного в деловых кругах. После мы не раз делали им предложения о выкупе акций, но они всякий раз отказывали. Постоянно отказывали! И этот случай — наш единственный шанс, как бы цинично подобное ни звучало.

— Согласен. — Сквозь листву скользнул солнечный луч, на секунду ослепив меня, и я, как в детстве, прищурил глаз. — Другого такого может не быть.

— Я все понимаю. — Вагнер закинул ногу на ногу. — Скажем так — сумма вашего гонорара будет удвоена. Это хорошие деньги. Разумеется, при условии благоприятного исхода для больного.

— Сложно сказать, какой из исходов для товарища является благоприятным, — вздохнул я. — Как по мне, прямо сейчас это вариант сдохнуть побыстрее, потому как чем в таком состоянии существовать, лучше уже вообще никак не жить.

— И все же? — мягко, но непреклонно спросил Вагнер. — Ваш ответ, Александр?

— Секунду, — попросил я его и достал телефон. — Сначала кое с кем поговорю, потом закончим. И сразу — если человек скажет «да», то вы утроите два гонорара.

— Утрою? — изумился Петр Францевич.

— Ну да. Вы тогда оговорились, когда сказали: «Сумма будет удвоена». Правильно — «утроена». Ну-ну, акции все равно вам бы обошлись дороже, и вы это прекрасно знаете. Да и вообще не факт, что дело выгорит. Там все так сложно...

Девушка сняла трубку почти сразу, после второго гудка.

— Ничего себе, — вместо «здрате» удивился я. — Виктория, возможно, я себе льщу, но вы что, ждали моего звонка?

— Да, Саша, — с легким придыханием ответила та каким-то незнакомым голосом.

— Сдается мне, ошибочка вышла, — сообщил собеседнице я и глянул на экран смартфона.

— Не ошиблись. — Вот теперь я узнал голос Виктории. — Я тоже иногда люблю пошутить.

В жизни бы не подумал!

— К тому же я на самом деле жду звонка, — продолжила девушка.

— Вот ведь, — расстроился я. — Значит, не стоит вас отвлекать? А у меня важный разговор. Точнее, дело по вашей части. Любопытное! Я, по крайней мере, ничего подобного до сегодняшнего дня не видал. И к тому же в моих нынешних планах значится все-таки выманить вас в какой-нибудь приличный ресторанчик. Вы просто не знаете ничего про мое упорство, я если чего решил, то непременно сделаю. И потом, мне сегодня даже позавтракать толком не довелось, а дело движется к

обеду. Неужели вы позволите мне умереть голодной смертью, прекрасная Виктория?

— Последняя фраза мне не очень, а все остальное... — Девушка задумалась. — Почему бы и нет? У нас тут неподалеку от отдела есть милое кафе, там неплохо готовят. Сейчас вам сброшу на телефон адрес, вы, как приедете туда, мне позвоните, я подойду.

— Договорились, — обрадовался я. — Жду сообщение!

— Куда мы едем? — деловито спросил меня Вагнер.

— Мы? — хмыкнул я. — Мы — никуда. Вы остаетесь здесь, Петр Францевич, дабы нести за наличный и безналичный расчет исцеление страждущим. А вот я отправляюсь обедать с красивой и умной женщиной, которая, возможно, сделает ваш бизнес по-настоящему семейным.

— Деньги? — уточнил он. — На представительские расходы?

— Больше никогда мне ничего подобного не предлагайте, — попросил его я. — И не надо иллюзий, я у вас не служу. Это разовая акция, не более того. Если вы сейчас про себя произнесли что-то вроде скептического «да-да-да», то хочу вам сообщить интересную новость. Я не знаю, как врачевать ту дрянь, что добивает господина Арвена, но зато могу узнать, как ее на кого-то напустить. Ломать не строить, Петр Францевич, первое всегда проще второго. Я доступно изложил свои мысли?

Деньги я люблю, а вот кабалу — нет. От этих самых расходов до поводка на шее — два шага. Сегодня предложил это, завтра — трудовой договор, а послезавтра? Мне одной Ряжской хватит за глаза. Ну да, недавно я ее «причесал», вот только для нее это ничего не значит. Эта женщина умеет ставить перед собой цели и добиваться их любой ценой.

— Предельно, — ответил Вагнер. — Машина в вашем распоряжении.

Ну да, конечно, поеду я на ней прямо до места встречи, как же. Наверняка водитель тут же стукнет, где я высадился и куда зашел. Вагнер не шпион, но лишнего ему знать не надо. С него станется внезапно нагрянуть за наш столик и тем самым все испортить.

Потому я вылез из машины рядом с метро «Тургеневская» и сразу нырнул в подземку, решив, что лучше проеду пару остановок ею. Так спокойней будет.